

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№29(338)
часть 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 29 (338)
Сентябрь 2025 г.

Часть 2

Издается с февраля 2017 года

Москва
2025

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова, Ресурсный центр «Медицинский Сеченовский Предуниверсарий» (г. Москва);

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Гайфуллина Марина Михайловна – кандидат экон. наук, доцент, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», Россия, г. Уфа;

Дорошко Виталий Николаевич – канд. экон. наук, доцент, кафедра мировой и национальной экономики УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации»;

Зорина Елена Евгеньевна – кандидат пед. наук, доцент, доцент кафедры «Межкультурные коммуникации и общегуманитарные науки» Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Санкт-Петербургского филиала Финуниверситета);

Мартышкин Алексей Иванович – канд. тех. наук, доцент, доцент кафедры «Вычислительные машины и системы» Пензенского государственного технологического университета;

Немирова Любовь Федоровна – канд. техн. наук, доц. кафедры конструирования и технологии изделий легкой промышленности, ГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет», Общество с ограниченной ответственностью «МИНСП»;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома;

Севостьянова Ольга Игоревна – кандидат биологических наук, доцент, руководитель управления инновационных образовательных программ Ставропольского государственного аграрного университета, г. Ставрополь;

Шайтура Сергей Владимирович – канд. техн. наук, доцент, Российский университет транспорта, кафедра Геоидезии и геоинформатики, ректор Института гуманитарных наук, экономики и информационных технологий г. Бургас, Болгария.

С88 Студенческий форум: научный журнал. – № 29 (338). Часть 2. М., Изд. «МЦНО», 2025. – 36 с. – Электрон. версия. печ. публ. – <https://nauchforum.ru/journal/stud/29>.

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

Оглавление

Статьи на русском языке	4
--------------------------------	----------

Рубрика «Юриспруденция»	4
--------------------------------	----------

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ: КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ, ИИ И ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА Галков Дмитрий Александрович	4
--	---

СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХО-ТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ (СТ. 230 УК РФ): УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ Гундаров Роман Владимирович	9
---	---

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ Жуковская Мария Дмитриевна Дудченко Оксана Сергеевна	13
---	----

РЕЖИМ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЛИЧНОГО И СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ Ковалева Алла Васильевна	16
---	----

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Макарова Екатерина Евгеньевна Дудченко Оксана Сергеевна	18
---	----

ОСНОВНЫЕ НОВОВВЕДЕНИЯ В ГЛАВЕ «НАРКОТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ВЬЕТНАМА Нгуен Ван Хань	22
---	----

ПОПРАВКИ 2025 ГОДА К УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ 2015 ГОДА: ИЗМЕНЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ Нгуен Чонг Луан Ле Фьонг Тхао	24
--	----

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ Александр С.	27
--	----

Papers in English	30
--------------------------	-----------

Rubric «Medicine and pharmacology»	30
---	-----------

WATER-ELECTROLYTE OBMEN: MODERN PRESENTATIONS AND MECHANISMS (REVIEW OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS) Odina Ollonazarova Aziza Azimova	30
--	----

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РУБРИКА

«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ: КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ, ИИ И ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Галков Дмитрий Александрович

студент,
Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних
дел Российской Федерации,
РФ, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья предлагает развернутый анализ актуальных проблем криминологии в цифровой среде: рост киберпреступности, распространение алгоритмически сгенерированного контента (включая дипфейки), криптовалютные мошенничества и процессуальный статус цифровых доказательств.

Используются сопоставимые источники (FBI IC3 за 2019–2024 гг., Europol IOCTA, международные стандарты и правовые акты). Формулируются практико-ориентированные предложения для уголовной политики и правоприменения.

Ключевые слова: криминология; киберпреступность; ИИ; дипфейки; криптовалюты; цифровые доказательства; юрисдикция; трансграничность.

1. Введение

Цифровизация изменила природу преступности и методы её изучения. Традиционные деяния получают цифровые формы, а новые модели строятся на платформизации, глобальной связности и анонимизирующих технологиях.

На этом фоне меняется и доказательная база: возрастают значение цифровых следов, роль международного сотрудничества и требования к воспроизводимости экспертиз. Цель статьи – системно очертить актуальные проблемы криминологии, выявить пробелы регулирования и сформулировать практико-ориентированные решения, опираясь на проверяемые источники и сравнительный анализ [1–10].

2. Теоретико-методологические ориентиры

Ключевые категории современного анализа включают: цифровую следу, атрибуцию, юрисдикцию, децентрализованные технологии (DLT/блокчейн), алгоритмическую генерацию медиа-контента. Междисциплинарность является необходимым условием: сочетание правовой доктрины, информационной безопасности, криминалистики и социологии риска позволяет корректно трактовать цифровые артефакты и строить доказательственные версии [1, 11–18].

3. Обзор литературы и международной практики (2019–2025)

Европейские и международные обзоры фиксируют рост сложных форм киберпреступности и расширение рыночных сервисов типа Crime-as-a-Service. Доклад Europol IOCTA 2024

подчёркивает консолидацию преступных экосистем вокруг фишинга, вымогательства и компрометации бизнес-почты, а также рост злоупотреблений криптоактивами [8].

Отчёты ENISA по ландшафту угроз фиксируют смещение фокуса на цепочки поставок и уязвимости экосистем, где человеческий фактор остаётся доминирующим [11]. UNODC акцентирует трансграничность и сложности правовой помощи, а также нехватку сопоставимых данных по юрисдикциям [12]. В области цифровых доказательств стандарт ISO/IEC 27037 и документы NIST (SP 800-86, 800-101r1) задают рамки идентификации, сбора и анализа артефактов [13–18].

Совокупность источников позволяет выстроить согласованный понятийный аппарат и задать эталон качеству криминалистических процедур.

4. Методология и источники данных

В качестве репрезентативного индикатора динамики обращений граждан и организаций использованы годовые отчёты IC3 (FBI) за 2019–2024 гг. [2–7]. Показатели включают число жалоб и оценку совокупных финансовых потерь (само-отчётность пострадавших). Анализ носит описательно-сравнительный характер: сопоставляются тренды по годам, выделяются аномальные всплески и структурные сдвиги. Ограничения метода связаны с неполнотой учёта (не все инциденты репортятся), различиями в практике классификации и бизнес-процессах платформ. Для нивелирования смещений результаты сопоставляются с обзорами Europol/ENISA и нормативными тенденциями (см. раздел 5–7, [8, 11]).

5. Эмпирические тенденции киберпреступности (США, IC3, 2019–2024)

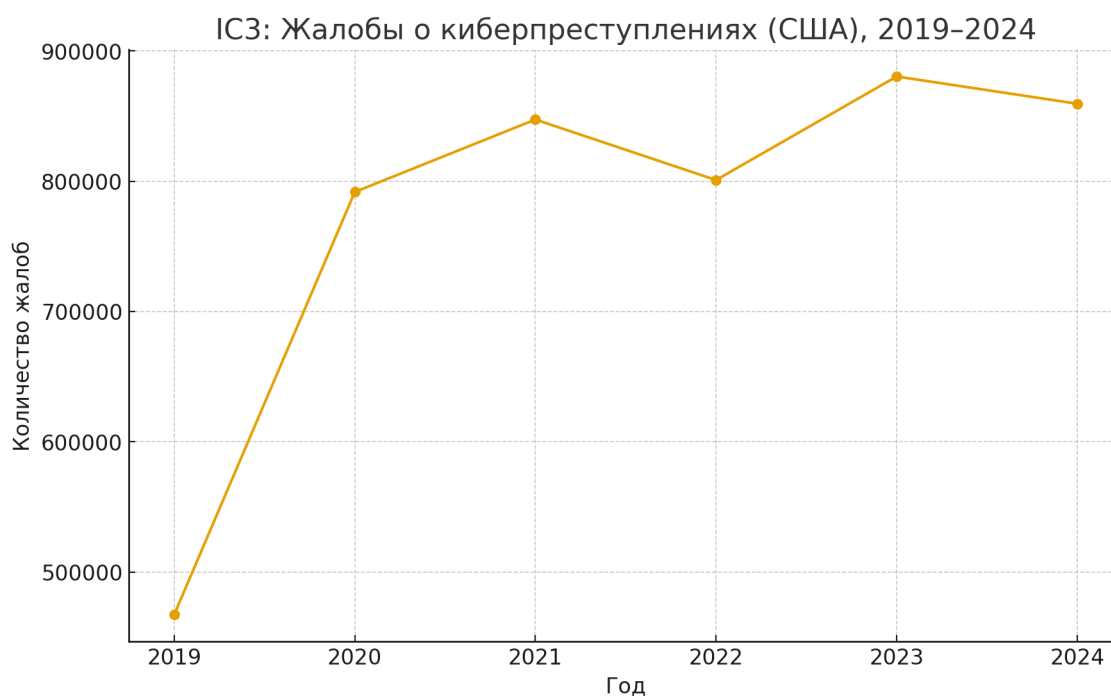
По данным IC3 наблюдается устойчивая нагрузка жалоб при резком росте финансовых потерь: с 3,5 до 16,6 млрд долл. США за 2019–2024 гг. При этом число обращений варьирует в диапазоне 467 361–880 418 в год [2–7]. Сводная таблица представлена ниже (см. Таблица 1), а на рисунках показаны динамика обращений и динамика потерь (см. Рисунки 1–2).

Таблица 1.

Динамика обращений в IC3 (США) и суммарных потерь, 2019–2024

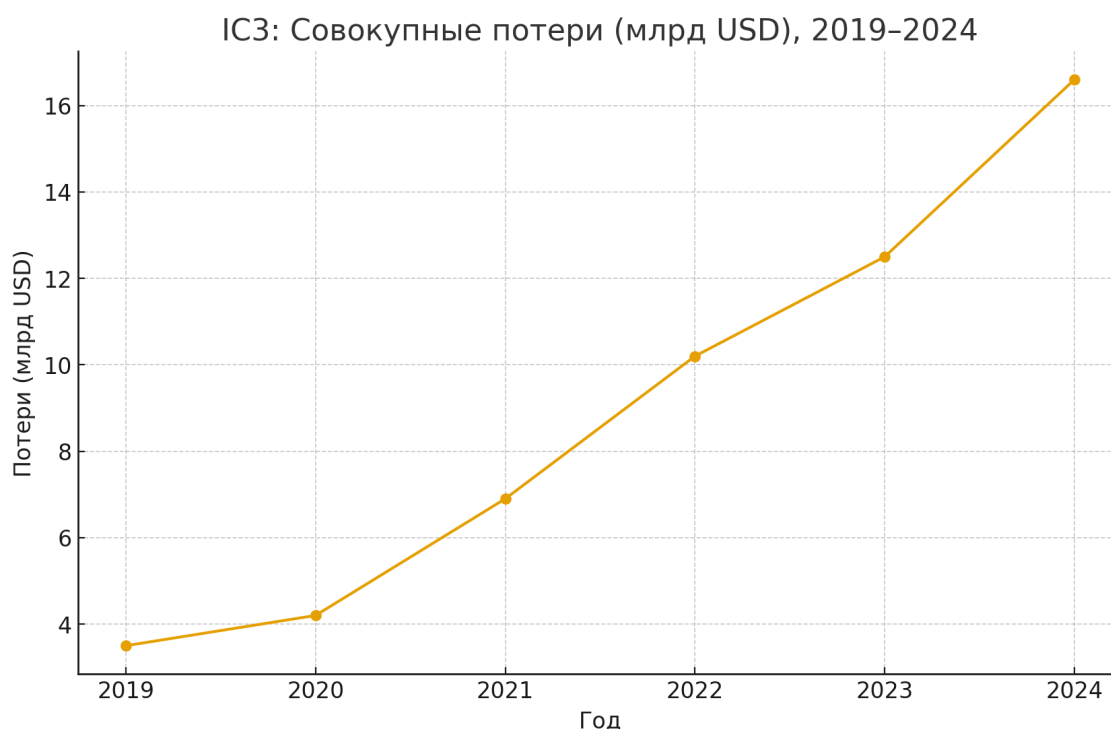
Год	Жалобы (шт.)	Потери (млрд USD)
2019	467 361	3.5
2020	791 790	4.2
2021	847 376	6.9
2022	800 944	10.2
2023	880 418	12.5
2024	859 532	16.6

Источник: FBI IC3, 2019–2024 Internet Crime Reports [2–7].

Источник: FBI IC3 [2–7]

Рисунок 1. Динамика обращений в IC3 (США), 2019–2024

Источник: FBI IC3 [2–7]

Рисунок 2. Совокупные потери от киберпреступлений (IC3), 2019–2024, млрд USD

6. Правоприменительная практика и процессуальные проблемы

Ключевые вызовы для следствия и суда: (1) фиксация и хранение цифровых следов в облачных и распределённых инфраструктурах; (2) обеспечение цепочки сохранности и верификация инструментов; (3) трансграничный доступ к данным провайдеров; (4) дефицит кадров и экспертиз; (5) неоднородность судебной практики и риск недопустимости доказательств.

Решения включают стандартизацию процедур согласно ISO/IEC 27037/27041/27042/27043, применение методик NIST, развитие лабораторий и механизмы ускоренной правовой помощи (см. раздел 7) [13–18].

7. Этические и правовые аспекты ИИ и дипфейков

Алгоритмически сгенерированный контент (голос, изображение, видео) удешевил производство правдоподобных фальсификаций и усилил риски подмены личности, шантажа и дезинформации.

Для допустимости такого рода доказательств требуются воспроизводимые методики экспертной оценки, описание пороговых метрик ошибок и прозрачность алгоритмов. Важно обеспечить баланс между эффективностью уголовной юстиции и соблюдением прав человека: презумпция невиновности, право на защиту и проверяемость источников данных [11, 13–18].

8. Ограничения исследования

Анализ основан на отчетности IC3, которая отражает добровольные обращения и может недоучитывать скрытые и латентные эпизоды. Показатели разных стран и ведомств несопоставимы из-за различий в методологиях учёта и правовых определениях.

Выводы носят обобщающий характер и требуют сдержанного переноса на иные юрисдикции; поэтому в практических рекомендациях учитывается необходимость локальной верификации данных и норм.

9. Рекомендации

- 1) Уточнить составы преступлений с учётом цифровых форм деяний и вреда. 2) Закрепить процессуальный статус цифровых доказательств и протоколы их верификации.
- 3) Развивать судебно-цифровую экспертизу и обучение кадров.
- 4) Расширить международное сотрудничество (включая ускоренные каналы запросов к провайдерам).
- 5) Сформировать стандарты прозрачности для алгоритмических систем и экспертиз.
- 6) Развивать программы профилактики и цифровой грамотности.
- 7) Поддерживать публично-частное партнёрство и обмен данными между правоохранительными органами и бизнесом.
- 8) Регулярно обновлять методические рекомендации с учётом быстро меняющейся технологической среды [1–18].

10. Выводы

Криминологическая повестка в цифровой среде характеризуется ростом сложности деяний и изменением природы доказательств.

Комплекс предложенных мер направлен на повышение эффективности уголовной юстиции при соблюдении гарантий прав человека.

Сочетание нормативных реформ, стандартизации цифровых процедур и развития экспертизы создаёт основу для устойчивого снижения криминогенных рисков и повышения доверия к правоприменению.

Список литературы:

1. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2021. – 944 с.
2. Federal Bureau of Investigation. 2019 Internet Crime Report. – Washington, DC, 2020. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2019_ic3Report.pdf (дата обращения: 06.09.2025).
3. Federal Bureau of Investigation. 2020 Internet Crime Report. – Washington, DC, 2021. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2020_ic3report.pdf (дата обращения: 06.09.2025).

4. Federal Bureau of Investigation. 2021 Internet Crime Report. – Washington, DC, 2022. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2021_ic3report.pdf (дата обращения: 06.09.2025).
5. Federal Bureau of Investigation. 2022 Internet Crime Report. – Washington, DC, 2023. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2022_ic3report.pdf (дата обращения: 06.09.2025).
6. Federal Bureau of Investigation. 2023 Internet Crime Report. – Washington, DC, 2024. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2023_ic3report.pdf (дата обращения: 06.09.2025).
7. Federal Bureau of Investigation. 2024 Internet Crime Report. – Washington, DC, 2025. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2024_IC3Report.pdf (дата обращения: 06.09.2025).
8. Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2024. – The Hague, 2024. URL: <https://www.europol.europa.eu/publication-events/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2024> (дата обращения: 06.09.2025).
9. Council of Europe. Second Additional Protocol to the Convention on Cybercrime (Budapest Convention), 2021. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/second-additional-protocol> (дата обращения: 06.09.2025).
10. Council of Europe. Convention on Cybercrime (Budapest Convention). URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185> (дата обращения: 06.09.2025).
11. ENISA Threat Landscape 2024. URL: <https://www.enisa.europa.eu/publications> (дата обращения: 06.09.2025).
12. UNODC Cybercrime resources. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/> (дата обращения: 06.09.2025).
13. NIST SP 800-86: Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response. Gaithersburg, MD: NIST, 2006. URL: <https://csrc.nist.gov/publications/detail/sp/800-86/final> (дата обращения: 06.09.2025).
14. NIST SP 800-101r1: Guidelines on Mobile Device Forensics. Gaithersburg, MD: NIST, 2014. URL: <https://csrc.nist.gov/publications/detail/sp/800-101/rev-1/final> (дата обращения: 06.09.2025).
15. ISO/IEC 27037:2012. Guidelines for identification, collection, acquisition and preservation of digital evidence.
16. ISO/IEC 27041:2015. Guidance on assuring suitability and adequacy of incident investigative methods.
17. ISO/IEC 27042:2015. Guidelines for the analysis and interpretation of digital evidence.
18. ISO/IEC 27043:2015. Incident investigation principles and processes.
19. INTERPOL. Cybercrime: key documents and reports. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime> (дата обращения: 06.09.2025).
20. OECD. Digital Security Risk Management for Economic and Social Prosperity. Paris: OECD Publishing, 2015. URL: <https://www.oecd.org/sti/digital-security-risk-management.htm> (дата обращения: 06.09.2025).

СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ (СТ. 230 УК РФ): УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Гундаров Роман Владимирович

студент,

Санкт-Петербургский университет МВД России,

РФ, г. Санкт-Петербург

Вопросы уголовно-правовой оценки склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов традиционно остаются в фокусе внимания правоприменителя и научного сообщества.

Нормативную основу составляет статья 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), корреспондирующая с положениями Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Цель настоящей публикации – обобщить ключевые подходы к толкованию состава преступления, выявить проблемные вопросы квалификации и предложить практико-ориентированные рекомендации.

1. Нормативные источники и место состава

Статья 230 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ либо их аналогов. Норма располагается в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», что отражает охраняемый объект – здоровье населения и общественная безопасность в сфере оборота контролируемых веществ. Положения специального законодательства – прежде всего Федерального закона № 3-ФЗ – определяют понятийный аппарат (включая перечни веществ, их прекурсоров и аналогов), режим законного оборота и компетенцию органов.

2. Объективная сторона и момент окончания

Под склонением в доктрине и судебной практике понимаются любые умышленные действия (в том числе однократные), направленные на возбуждение у другого лица желания потребить наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги.

К числу таких действий относят уговоры, предложения, советы, обман, а равно психическое или физическое насилие и иные формы воздействия. Состав преступления формальный: преступление считается оконченным с момента начала совершения действий по склонению, не требуя фактического потребления вещества склоняемым лицом.

При этом доказательственное значение приобретает способ воздействия, последовательность коммуникаций, контекст (включая цифровую среду), а также целевая направленность поведения виновного.

3. Субъект и субъективная сторона

Субъектом является вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. Вина – умышленная форма: лицо осознаёт общественную опасность своих действий, предвидит последствия в виде формирования у другого лица желания потребления и желает либо сознательно допускает их наступление.

В практическом плане характерно сочетание прямого умысла с конкретизированной целью – побудить к потреблению, что следует из содержания высказываний (сообщений), выбранного канала и адресата, возможности доступа к веществам и иных обстоятельств.

4. Квалификация и отграничение

Квалифицирующие признаки включают совершение деяния группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, а также в отношении двух и более лиц.

В ряде случаев возникает необходимость отграничения от подстрекательства к незаконному обороту (сбыт, хранение) и от пропаганды или рекламы наркотических средств, не тождественных склонению к их потреблению. Критериями разграничения служат направленность умысла и предмет воздействия: при склонении – на акт потребления (как правило, единовременный), при подстрекательстве – на вовлечение в действия, образующие иной состав незаконного оборота; при пропаганде – на формирование положительного отношения к потреблению неопределённого круга лиц.

5. Цифровая среда и доказывание

Современная практика демонстрирует рост случаев склонения через социальные сети, мессенджеры и онлайн-платформы.

Для квалификации принципиально содержание сообщений и их последовательность, а также технические метаданные: идентификация аккаунтов, установление адресата и факта доведения информации, анализ лингвистических признаков побуждения.

Значимую роль играют результаты ОРМ и компьютерно-технические экспертизы, позволяющие установить авторство, каналы связи и обстоятельства коммуникации.

6. Санкции и назначение

Санкции по ст. 230 УК РФ варьируются от ограничения свободы и ареста до лишения свободы на значительные сроки по квалифицированным составам, с возможным дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью и с ограничением свободы. При индивидуализации учитываются характер и степень общественной опасности, роль каждого участника группы, способ и интенсивность воздействия на потерпевшего, повторяемость действий, а также данные о личности виновного.

Таблица 1.

Сопоставление элементов состава и квалифицирующих обстоятельств

Элемент состава / признак	Краткая характеристика (для практики)
Объект и объективная сторона	Здоровье населения; любые умышленные действия, направленные на возбуждение желания потребления; окончено с начала склонения.
Субъект и вина	Физическое лицо с 16 лет; умысел прямой или косвенный; целевое побуждение к потреблению.
Квалифицированные составы	Группа по сговору/организованная группа; два и более потерпевших; повышенная строгость санкций.

7. Рекомендации для правоприменения и выводы

Для единообразного правоприменения целесообразно: (1) уделять внимание лингвистическому анализу побудительных формул и контекста коммуникаций; (2) документировать последовательность действий, фиксируя момент начала склонения; (3) чётко разграничивать склонение от пропаганды и подстрекательства к обороту по критерию направленности умысла; (4) учитывать цифровые следы и подтверждать их процессуально допустимыми источниками.

Итогом выступает повышение предсказуемости квалификации и справедливости судебных решений с учётом баланса интересов личности и общества.

8. Практика квалификации: типичные ситуации

К числу часто встречающихся относятся случаи, когда склонение выражается в последовательной переписке: инициальное предложение «попробовать», далее предоставление «инструкции», указание способа употребления, а также обещание предоставить вещество или содействовать его приобретению.

В таких делах важны лексические маркеры побуждения (императивы, оценочные суждения, обещания выгоды), реакция адресата, регулярность сообщений и их адресность. Наличие «шутливой формы» высказываний само по себе не исключает умысла, если из совокупности обстоятельств усматривается целенаправленное формирование желания потребления.

9. Доказательства и их допустимость

Помимо показаний потерпевшего и свидетелей, значимы результаты компьютерно-технических экспертиз, фонограмм и их транскрипции, данные биллингов и привязки аккаунтов к устройствам, а также контент-аналитические заключения специалиста-лингвиста. Для допустимости электронных доказательств необходимо обеспечить идентификацию источника, целостность данных и процессуальную фиксацию (осмотр, протоколирование, заверение специалистом и т. п.). Суд оценивает доказательства в совокупности, исключая формальный подход только к «количеству» сообщений.

10. Отграничение от пропаганды и рекламы

Пропаганда – это распространение информации, формирующей положительное отношение к потреблению у неопределенного круга лиц; реклама – стимулирование спроса. Склонение ориентировано на конкретное лицо (или ограниченный круг лиц) и преследует цель побудить к фактическому акту потребления. Если сообщение адресовано массовой аудитории без персонификации и не содержит прямого побуждения к немедленному потреблению конкретного лица, то речь, как правило, идет о пропаганде, а не о склонении.

Однако переходные формы возможны; решает направленность умысла и фактические обстоятельства.

11. Спорные вопросы квалификации

Дискуссионным является вопрос об оценке «нейтральных» информационных сообщений (например, описание эффектов, дозировки), если они предоставляются в ответ на запрос адресата.

Судебная практика исходит из необходимости анализировать контекст: если информация подается как часть последовательности побуждения (советы, обещания, указания на «безопасность»), она способна трансформироваться в склонение.

Иной спорный блок – соотношение склонения и пособничества потреблению; при фактическом содействии в приобретении вещества возможна дополнительная квалификация по иным нормам.

12. Заключение

Состав, предусмотренный ст. 230 УК РФ, служит важным инструментом предупреждения потребления запрещенных веществ за счет пресечения ранних стадий формирования мотива. Для предсказуемости практики необходимы четкие методики доказывания, внимательное отношение к лингвистической стороне коммуникаций и аккуратное разграничение со смежными деяниями. Рекомендации, предложенные в статье, ориентированы на повышение качества расследования и судебного разбирательства, что, в конечном счете, способствует защите здоровья населения и снижению наркосвязанной преступности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 230 (действующая ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.08.2025).
2. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (последняя ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 28.08.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 28.08.2025).
4. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Верховный Суд РФ. URL: <https://vsrf.ru/files/14055/> (дата обращения: 28.08.2025).
5. Кузнецов В.И. К вопросу об объективной стороне склонения к потреблению наркотиков // Вестник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obektivnoy-storone-skloneniya-k-potrebleniyu-narkotikov> (дата обращения: 28.08.2025).
6. Бочарникова Л.Н. Проблемы квалификации склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Научный журнал. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sklonenie-k-potrebleniyu-narkoticheskikh-sredstv-psihotropnyh-veschestv-ili-ih-analogov-problemy-kvalifikatsii> (дата обращения: 28.08.2025).
7. Дудина Н.А. Пропаганда наркотических средств и склонение к потреблению в сети Интернет // Научные труды. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-narkoticheskikh-sredstv-i-sklonenie-k-potrebleniyu-narkoticheskikh-sredstv-v-seti-internet> (дата обращения: 28.08.2025).
8. Прокуратура разъясняет: ответственность за склонение к потреблению наркотиков (ст. 230 УК РФ). URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_64/activity/legal-education/explain?item=66691790 (дата обращения: 28.08.2025).
9. Legalacts.ru: Статья 230 УК РФ (действующая редакция) с комментариями. URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-ix/glava-25/statja-230/> (дата обращения: 28.08.2025).

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Жуковская Мария Дмитриевна

магистрант,

Московский финансово-юридический университет МФЮА,
РФ, г. Москва

Дудченко Оксана Сергеевна

научный руководитель,

д-р юрид. наук, доцент,

Московский финансово-юридический университет МФЮА,
РФ, г. Москва

Анализ законодательной базы, регулирующей государственную гражданскую службу в Российской Федерации, позволяет сформировать теоретический фундамент для создания унифицированной системы управления этой службой и ее дальнейшего внедрения через разработку ряда федеральных программ, направленных на реформирование института. Это неслучайно, так как государственная служба, обеспечивающая реализацию функций государства, выступает одним из его главных элементов в государственном механизме. Вследствие осуществляемых в последние годы преобразований, она претерпела существенные изменения, которые коснулись в том числе и определения административно-правового статуса государственных служащих. Многие аспекты административно-правового статуса государственного гражданского служащего до сих пор являются дискуссионными и требуют серьезного научного осмысления и анализа.

Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [2] не внес достаточную ясность в дело определения возможных видов государственной службы. В Законе не содержится понятие государственной службы иных видов (в отличие от прежней редакции, содержавшей определение понятия «правоохранительная служба»), что не позволяет с достоверностью определить, в каких государственных органах она осуществляется. В целом же можно констатировать, что ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» не разделил государственную службу на три вида, как это было в прежней редакции закона, а создал предпосылки для появления неограниченного количества видов службы, к каждому из которых есть единое требование – установление соответствующим федеральным законом [7, с. 98].

Теоретическое осмысление понятия «административно-правовой статус государственного служащего» остается незавершенным, что представляет собой существенную проблему. На текущий момент в государстве отсутствует унифицированное понимание термина «административно-правовой статус государственного служащего». Основным нормативным актом, регулирующим работу государственных служащих в стране, является Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1], где определены ключевые положения их административного правового статуса.

На основе анализа понятия «государственный гражданский служащий» в правовой доктрине и законодательстве закономерным является вывод о том, что российский законодатель пошел по пути нормативного закрепления узкого подхода в определении понятия государственного гражданского служащего как лица, осуществляющего задачи и функции государства только в органах государственной власти.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» регулирует лишь отдельные аспекты государственной службы, оставляя пробелы, которые восполняются другими нормативными актами. По словам Р.Д. Курбанова, обилие ссылок на нормативные документы указывает на снижение качества законодательства и чрезмерную зависимость от подзаконных актов [5, с. 23].

Важно подчеркнуть, что ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» включает раздел, посвященный правовому положению (статусу) государственных гражданских служащих, но сам термин «правовой статус» отсутствует в данном документе и других нормативно-правовых актах. В связи с этим, возникает неоднозначность понятия, не совсем понятно, что же законодатель понимает под правовым статусом государственного гражданского служащего, также не ясно, почему законодатель отождествил понятия правовое положение и правовой статус.

Разобщенность норм, регулирующих административно-правовой статус государственных служащих, не способствует эффективному государственному управлению. Поэтому целесообразно консолидировать все регламентирующие положения в единый правовой акт – Кодекс государственной службы, что несомненно окажет влияние на повышение эффективности административных процессов в Российской Федерации [3, с. 25].

В современных условиях российского общества доверие к органам власти становится определяющим условием эффективности власти. В рамках реализации данной задачи осуществляется масштабная модернизация государственного управления, включая обновление нормативной базы и проведение кадровой ротации. Вместе с этим успешные преобразования предполагают необходимость дополнительной просветительской деятельности среди населения и глубокого ознакомления граждан с изменениями.

В настоящее время все еще существует несколько барьеров информационной открытости, в том числе и на местном уровне. Во-первых, низкий уровень интереса ведомств в обеспечении открытости и прозрачности своей деятельности, во-вторых, степень коррумпированности, что логически связано с первым. Также одним из важных барьеров можно считать техническое состояние информационных ресурсов: зачастую сайты органов местного самоуправления неудобны и неинформативны населению, а механизм электронного обращения граждан и вовсе не разработан. Ю.В. Смирнов, рассматривая информационную открытость, реализуемую через официальные сайты, считает низкий уровень информационной грамотности сотрудников государственных учреждений одним из главных барьеров. Соответственно уровень сотрудников на местном уровне еще ниже [6, с. 90].

На основе этого можно выделить еще одну важную проблему, связанную с административно-правовым статусом государственного и муниципального служащего, это информационная закрытость органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, а также отсутствие обратной связи с гражданами и организациями.

Также одной из сложностей системы государственной гражданской службы является вопрос назначения классных чинов. Законодательно отсутствует закрепление понятия «классного чина» в системе российской гражданской службы, что обуславливает двоякое понимание данной категории. С одной стороны, он отражает уровень квалификации госслужащего, а с другой – представляет собой юридическую категорию, официально присвоенную лицу и обозначающую его статус в обществе и государстве. Согласно ст. 11 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», гражданскому служащему назначаются классные чины по занимаемым должностям внутри определенной категории государственных должностей, отражающих уровень их квалификации и компетентность в специфическом роде трудовой активности, включая сложность задач, ответственность и условия труда. Во взаимосвязи с ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» предусматривается синхронизация присвоения классных чинов между федеральными и региональными уровнями гражданских служб. Но в действительности при переходе государственных гражданских служащих с федеральной гражданской службы на гражданскую службу субъектов РФ и обратно, а также при переходе с гражданской службы между субъектами РФ при принятии решения о присвоении классного чина не учитывается прежний класс чина гражданского служащего, присвоенного ему в рамках соответствующей группы должностей гражданской службы РФ или субъекта РФ, а может быть присвоен только первый классный чин в рамках группы должностей гражданской службы, то есть чин третьего класса [4, с. 187]. Становится очевидно, что создание и внедрение единого реестра соответствий классных чинов государственных гражданских служащих регионов Российской Федерации внутри определенной группы публичных должностей значительно укрепит правовую основу данной сферы деятельности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.
3. Каляшин А.В. О совершенствовании системы нормативно правовых актов о государственной службе // Административное право и процесс. – 2022. – №12. – С. 22-26.
4. Козлова Е.А. Некоторые проблемы правового регулирования прохождения государственной гражданской службы в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. Сборник материалов Международной научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. – Рязань, 2022. – С. 185-192.
5. Курбанов Р.Д. Проблемы совершенствования правового регулирования государственной гражданской службы // Государственная служба. – 2020. – № 2. – С. 22-26.
6. Муртазалиев А.М., Рагимханова К.Т. Информационная открытость органов государственной власти: перспективы и совершенствование развития законодательства // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 1. – С. 89-91.
7. Смирнов А.В. Государственная служба в органах прокуратуры в системе государственной службы в правоохранительной сфере // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15. – № 1 (53). – С. 96-106.

РЕЖИМ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЛИЧНОГО И СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Ковалева Алла Васильевна

магистрант,

Донецкий Государственный Университет Юстиции,

РФ, г. Донецк

Имущественные отношения супругов представляют собой одну из наиболее значимых сфер семейного права. На практике именно раздел имущества после расторжения брака становится источником наибольшего числа судебных споров. Современные реалии свидетельствуют о том, что число бракоразводных процессов ежегодно возрастает, а вместе с ними увеличивается и количество дел, связанных с определением правового режима имущества. Особую актуальность приобретает вопрос разграничения личного и совместного имущества, поскольку в данной сфере правоприменения нередко возникают противоречия и неоднозначные трактовки.

Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет, что законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности. Все имущество, приобретенное супругами во время брака, независимо от того, на чье имя оно оформлено и кем из супругов внесены денежные средства, признается общим [1]. В то же время законодатель предусмотрел ряд исключений: имущество, принадлежавшее супругу до вступления в брак, полученное им по наследству или в дар, а также вещи индивидуального пользования составляют его личную собственность [2]. Однако в случае, если за счет общего имущества супругов или имущества одного из них были произведены вложения, существенно увеличившие стоимость личного имущества, такое имущество может быть признано совместным [3].

На практике именно данная норма – статья 37 Семейного кодекса РФ – становится предметом споров. Проблема заключается в отсутствии четких критериев того, какие вложения следует признавать «значительными». Суды сталкиваются с необходимостью разграничивать обычный косметический ремонт и капитальные работы, которые действительно повышают рыночную стоимость объекта недвижимости. В одном из недавних дел Верховный Суд РФ указал, что квартира, приобретенная одним из супругов до брака, не может быть признана совместной собственностью, даже если ее оплата производилась в браке поэтапно, поскольку правовой титул на приобретение имущества возник до заключения брака [4].

Противоположные примеры демонстрируют еще большую сложность проблемы. Так, Красносельский районный суд Санкт-Петербурга в 2024 году рассматривал дело о взыскании компенсации за ремонт дома. Супруг утверждал, что вложил значительные средства в реконструкцию, однако суд отказал в удовлетворении иска, указав, что представленные доказательства не подтверждают существенного увеличения стоимости недвижимости [5]. В то же время Верховный Суд в своих разъяснениях обращает внимание, что при применении статьи 37 СК РФ нельзя ограничиваться формальной оценкой. Суду надлежит исследовать не только размер вложенных средств, но и изменение рыночной стоимости имущества в целом. Этот подход был поддержан и в научной литературе, где подчеркивается, что одним из ключевых элементов правовой определенности является выработка единых критериев для судебной практики [6].

Важным аспектом остается и вопрос ответственности супругов перед кредиторами. На практике нередко возникают ситуации, когда обязательства одного из супругов становятся основанием для обращения взыскания на общее имущество. При этом другой супруг фактически оказывается лишённым своей доли, хотя не принимал участия в заключении обязательств. В доктрине справедливо отмечается, что данная коллизия требует законодательного уточнения [7].

Таким образом, можно выделить несколько ключевых проблем действующего регулирования: отсутствие четких критериев понятия «значительных вложений», неоднородность судебной практики и трудности доказывания факта вложений. Для их преодоления

целесообразно законодательно закрепить более детальные ориентиры, например, ввести обязательность учета прироста рыночной стоимости имущества, а также предусмотреть порядок компенсации супругу, который инвестировал средства в имущество другого. В качестве превентивной меры должно расширяться использование брачных договоров, позволяющих супругам самостоятельно урегулировать имущественные вопросы ещё до возникновения конфликта.

Подводя итог, следует отметить, что институт совместной собственности супругов остается одной из наиболее сложных и конфликтных сфер семейного права. Совершенствование законодательства в данном направлении позволит снизить количество судебных споров и обеспечит более эффективную защиту имущественных прав супругов.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации: ст. 33, 34.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: ст. 36.
3. Семейный кодекс Российской Федерации: ст. 37.
4. Определение Верховного Суда РФ от 18.03.2025 № 16-КГ24-32-К4
5. Решение Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20.08.2024 г. по делу № 2-2453/2024 // Адвокатская газета.
6. Смирнова Е. М., Косарева В. В., Бордюгская А. А. Семейное право: учебное пособие. – М., 2021.
7. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Семейное право. – Ярославль: ЯрГУ, 2019.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Макарова Екатерина Евгеньевна

магистрант,

*Московский финансово-юридический университет МФЮА,
РФ, г. Москва*

Дудченко Оксана Сергеевна

научный руководитель,

д-р. юрид. наук, доцент,

*Московский финансово-юридический университет МФЮА,
РФ, г. Москва*

Административно-правовая сфера законодательства характеризуется стремительным развитием. Вместе с тем, В.Е. Севрюгин подчеркивает актуальность радикальной реформы российского законодательного регулирования административной ответственности, считая текущее состояние устаревшим и требующим немедленного качественного пересмотра и систематизации основополагающих принципов [10, с. 29].

Административно-правовые нормы страдают от излишней сложности из-за частых изменений в КоАП РФ [2] вследствие принятия новых федеральных законов во множестве отраслей права. Эти коррективы зачастую игнорируют существующую классификацию нарушений административного характера, принципы назначения соответствующих санкций и нормы правовой практики [11, с. 86].

Конституция РФ в статье 72 [1] определяет, что регулирование вопросов административного права и процесса является совместной компетенцией государства и его регионов. В ст. 1.3 КоАП РФ указаны предметы ведения РФ в сфере законодательства об административных правонарушениях. Согласно ст. 1.3.1 КоАП РФ субъектам Федерации предоставлено право определять через свои законы меры административного воздействия за нарушения местных нормативно-правовых документов и актов местной власти.

Основываясь на принципе остатка, разделение полномочий между РФ и ее субъектами в области административного права предполагает, что любые вопросы, не урегулированные на национальном уровне, включая КоАП РФ, могут регулироваться на региональном уровне, когда они признаются важными для социальной сферы и требуют правового вмешательства в конкретном регионе.

Одним из ключевых вопросов является вопрос о смягчении административного наказания за малозначительные правонарушения. Это указывает на недостатки действующего законодательного регулирования в области правонарушений административной направленности. Глава 2 КоАП РФ содержит ст. 2.9, которая предусматривает освобождение от наказания за малозначительное правонарушение. Однако данная статья не распространяется на каждый вид нарушений административного характера, предусмотренных законодательством. В действующем законодательстве отсутствуют определения малозначительного характера правонарушения и его характеристик. Только уполномоченный орган, принимающий окончательное решение, способен квалифицировать нарушение как малозначительное. В научной литературе отмечается, что данная ситуация обусловлена широким толкованием со стороны судов и администрации, представляющим собой отрицательную сторону дела; поэтому необходимо сформулировать общие стандарты для интерпретации этого термина [8, с. 64].

Проблемой также является соотношение сроков давности и мер административной ответственности. Это происходит во время оспаривания судебных решений о приостановлении дела. Часто случается, что по истечении срока давности за административные правонарушения жалоба теряет силу, делая невозможным возвращение дела на новое разбирательство

перед судьей. Необходимо продлить срок давности за административные правонарушения и предусмотреть его приостановление в определенных обстоятельствах.

Отсутствие четкой координации размеров штрафов за административные правонарушения свидетельствует о явной неразберихе, вызванной хаотичным внесением поправок в действующее законодательство об административных правонарушениях. Такие нюансы законодательного регулирования иногда приводят к несоответствию принципам пропорциональности, когда размер штрафов оказывается либо недостаточным, либо чрезмерным.

В судебной системе России наблюдается продолжительное расхождение между постановлениями разных уровней судов относительно определения характера длящихся административных правонарушений и момента начала течения срока давности таких правонарушений. В разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 №5 [4], касающихся применения КоАП РФ, удалось существенно упорядочить методику квалификации длящихся правонарушений. За последнее время судебные решения выявили определенные нюансы, нуждающиеся в доработке, расширении и более четком формулировании положений. Одним из ключевых признаков длящихся правонарушений служит их наличие во время обнаружения [6, с. 53]. Эта характеристика определяет другой подход к определению давности срока, потому что установить точный момент начала длящегося правонарушения затруднительно. Считаем актуальным внести коррективы в действующее законодательство РФ, конкретизировав понятие «длящееся правонарушение» через дополнения в Кодекс об административных правонарушениях, включая определение ключевых характеристик данного нарушения и установление критерия дня выявления такого длящегося проступка.

Существует необходимость радикального пересмотра Особенной части КоАП РФ с введением обновленной структуры. Принцип состязательности участников отсутствует в процессе рассмотрения дел о нарушениях административного характера. Отсутствие реального соперничества во время разбирательства дел о нарушениях административного характера препятствует полному и справедливому рассмотрению всех аспектов дела.

Так, в юридической литературе неоднократно обращалось внимание на проблемах совершенствования правового регулирования административной ответственности в сфере культуры [5, с. 32–40; 9, с. 351–353]. В частности, можно выделить некоторые проблемы применения мер административной ответственности за отдельные правонарушения.

Основным препятствием в повышении действенности мер по нарушению законодательства о рекламе выступает однотипность наказания – исключительно взимание штрафов, независимо от специфики правонарушения. Поэтому, поставленная законодательством в ст. 3.1 КоАП РФ задача предупреждения повторных нарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами, не будет реализована, потому что применяемое взыскание в форме денежного штрафа имеет исключительно материальный аспект и несущественно относительно прибыли предприятия, значительной части которой обременено недобросовестной рекламой. Для преодоления этой ситуации необходимо дополнить санкцию ст. 14.3 КоАП РФ другими доступными видами административной ответственности, кроме простого денежного взыскания. Чтобы достичь поставленной задачи, мера ответственности должна включать элементы личного воздействия, затрагивая честь, уважение и деловой имидж участников рекламы, пренебрегших нормами действующего законодательства о рекламе. Из доступных мер по административной ответственности особенно действенными окажутся конфискация предмета административного правонарушения, дисквалификация и административное приостановление деятельности.

Штрафы за нелегальную продажу билетов на культурные представления организаций искусства (ст. 14.4.3 КоАП РФ) введены недавно, поэтому опыт их применения еще ограничен. Сначала следует тщательно проанализировать действующее законодательство и нормативные документы, касающиеся продажи билетов на культурные представления, определить возможные несоответствия и проблемы, а также провести оценку действенности принятых карательных санкций за нарушения. Исследование судебной практики позволит выявить трудности, связанные с обнаружением и применением санкций к нарушителям правил продажи билетов.

Важно определить эффективность функционирования структур, ответственных за обнаружение и предотвращение подобных нарушений закона.

На текущий момент антикоррупционные меры в РФ недостаточны. Действующее законодательство РФ, включая ФЗ «О противодействии коррупции» [3], не установило единого подхода к четкому определению термина «коррупционное правонарушение» и связанных с ним характеристик. В РФ трудности в сфере административной ответственности за коррупционные деяния заключаются в затруднительности определения их характера, спорности применения штрафов и других санкций, а также недостатке норм законодательства о наказании юридических лиц за подобные нарушения.

На текущий момент среди специалистов юриспруденции продолжает обсуждаться вопрос классификации административных проступков как коррупционных. Различные специалисты выделяют собственные статьи, регулирующие наказание за нарушения, связанные с коррупцией [7, с. 87]. При составлении этого перечня статей важно учитывать, что указанную ответственность следует устанавливать исключительно за несоблюдение норм антикоррупционного законодательства.

Недостаточная эффективность существующих карательных санкций, включая штрафы за коррупционные деяния, ставит под сомнение их способность эффективно сдерживать коррупцию и наказывать ответственных чиновников. Сложности возникают при определении и применении наказаний, особенно касающихся представителей власти, что ослабляет их предупредительную функцию.

Таким образом, для устранения подобных проблем требуются всесторонние и взаимосвязанные методы. Требуется переосмысление и переоценка всей системы административного наказания, включая нарушения норм о правонарушениях такого рода. В настоящее время юриспруденция требует дальнейшего развития теоретических основ права в сочетании с упорядоченной профессиональной деятельностью юристов, формирования эффективных инструментов правового регулирования и функционирования открытых структур по защите интересов личности и общества.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 04.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 6. – 2005.
5. Дудченко О.С., Занина А.Ю. Особенности государственного управления в сфере культуры // Актуальные проблемы современного законодательства: сборник статей участников IX всероссийской межвузовской научно-практической конференции (г. Москва, 19 апреля 2024 г.): в 2 т. / под ред. Е.В. Былинкиной, С.В. Дубовиченко, Т.К. Сацкевич; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – М.: МФЮА, 2024. – Т. 1. – С. 32–40.
6. Жаров А.И. Длющиеся административные правонарушения // Законность. – 2021. – № 11. – С. 52–54.
7. Затолокин И.А. Административное коррупционное правонарушение: проблемы определения понятия // Таврический обозреватель. – 2022. – № 11 (16). – С. 85–88.
8. Иотова Е.В. Совершенствование законодательства об административных правонарушениях // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 11. – С. 63–69.

9. Сацкевич Т.К., Кискаркина Е.А. Правонарушение как основание привлечения к административной ответственности // Актуальные проблемы современного законодательства: сборник статей участников VIII Всероссийской межвузовской научно-практической конференции (г. Москва, 21 апреля 2023 г.): в 2 т. / под ред. Е.В. Былинкиной, С.В. Дубовиченко, Т.К. Сацкевич ; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – М. : МФЮА, 2024. – Т. 2. – С. 351–353.
10. Севрюгин В.Е. «Старая одежда» нового КоАП РФ: концептуальные недоработки и перекосы законопроекта // Административное право и процесс. – 2022. – № 10. – С. 29-37.
11. Сморгачева Л.Н. Совершенствование законодательства об административных правонарушениях: поиск новых подходов // Вестник ЮУрГУ. – 2022. – № 4. – С. 85-90.

ОСНОВНЫЕ НОВОВВЕДЕНИЯ В ГЛАВЕ «НАРКОТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ВЬЕТНАМА

Нгуен Ван Хань

кафедра юриспруденции,
Академия Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой

Аннотация. В статье рассматриваются новые положения главы о наркопреступлениях Уголовного кодекса 2015 года, изменённые и дополненные в 2025 году.

Ключевые слова: The article examines the new provisions of the chapter on drug crimes of the Criminal Code of 2015, amended and supplemented in 2025.

После почти десятилетия применения Уголовного кодекса 2015 года проявились определённые ограничения в регулировании наркопреступлений: отдельные новые формы противоправного поведения не получили должного отражения; перечень наркотических средств не был обновлён; система наказаний либо недостаточно сдерживающая, либо не соответствует гуманистическим принципам уголовной политики. С целью устранения этих недостатков Национальная ассамблея приняла Закон № 86/2025/QН15, предусматривающий внесение изменений и дополнений в ряд статей Уголовного кодекса, вступающий в силу с 1 июля 2025 года. В частности, глава о наркопреступлениях была существенно переработана как в части содержания, так и в аспекте уголовно-правовой политики.

1. Добавление нового состава преступления – «Незаконное употребление наркотиков» (статья 256а).

В Уголовном кодексе 2015 года незаконное употребление наркотиков не признавалось преступлением: потребители подвергались лишь административным взысканиям в соответствии с Законом о профилактике и контроле над наркотиками 2021 года либо направлялись на принудительную реабилитацию. Однако в последние годы участились случаи злоупотребления наркотиками, особенно среди молодёжи трудоспособного возраста, что оказывает серьёзное негативное воздействие на общество. В связи с этим государство приняло решение о **рекриминализации** данного деяния.

Статья 256а «Незаконное употребление наркотиков» предусматривает:

1. Лицо, незаконно употребляющее наркотики в одном из следующих случаев, наказывается лишением свободы на срок от 2 до 3 лет:

- а) в период прохождения реабилитации или лечения с использованием заместительной терапии в соответствии с Законом о профилактике и контроле над наркотиками;
- б) в период постреабилитации;
- в) в течение 2 лет после завершения постреабилитации либо в период лечения лиц, употребляющих наркотики незаконно;
- г) в течение 2 лет после добровольного прекращения реабилитации или лечения с использованием заместительных препаратов.

2. Рецидив данного преступления влечёт наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет.

Таким образом, криминализация незаконного употребления наркотиков создаёт правовую основу для более строгого контроля за лицами, склонными к рецидиву, и способствует предотвращению новых преступлений, связанных с наркопотреблением. В то же время законодатель сохранил избирательный подход, криминализируя лишь группы повышенного риска, избегая повальной криминализации всех наркозависимых.

2. Корректировка системы наказаний за традиционные наркопреступления

Несмотря на ужесточение борьбы с наркопреступностью, статистика показывает, что 99% всех таких деяний относятся к «традиционным». Ранее предусмотренные Уголовным кодексом наказания были достаточно строгими, однако данные преступления по-прежнему сохраняют высокую распространённость и не демонстрируют тенденции к снижению. В связи с этим в новых поправках законодатели усилили санкции.

- За преступление незаконного производства наркотиков (ст. 248) минимальный срок лишения свободы увеличен до 3 лет, а высшие меры наказания («пожизненное заключение» и «смертная казнь») чётко разграничены для удобства применения.
- За незаконное хранение наркотиков минимальный срок повышен до 2 лет лишения свободы.
- За незаконную перевозку наркотиков – до 3 лет; при этом смертная казнь исключена из санкций.
- За незаконный оборот наркотиков минимальный срок увеличен до 3 лет, а верхняя граница наказаний разделена на несколько ступеней.
- За преступление, связанное с присвоением наркотиков (ст. 252), срок лишения свободы по ч. 1 увеличен с 1 до 2 лет.
- По другим составам (организация употребления, укрывательство, принуждение, склонение и др.) нижний предел наказаний также повышен на 1–2 года, что усиливает сдерживающий эффект.

3. Отмена смертной казни за незаконную перевозку наркотиков

Ранее перевозка наркотиков в особо крупных размерах могла повлечь смертную казнь вне зависимости от роли обвиняемого – организатора или наёмного курьера. Однако практика показала, что многие осуждённые выступали лишь в роли наёмных перевозчиков, не извлекая значительной выгоды. Отмена смертной казни и её замена пожизненным заключением на высшем уровне санкции отражает принцип гуманизма, обеспечивает дифференциацию ответственности и соответствует мировой тенденции сокращения применения смертной казни. При этом на нижних уровнях наказания сохраняются высокие сроки лишения свободы, что поддерживает необходимый сдерживающий эффект. Кроме того, все смертные приговоры за данное и другие наркопреступления, не приведённые в исполнение до 1 июля 2025 года, будут заменены пожизненным заключением.

Поправки 2025 года в главу о наркопреступлениях Уголовного кодекса демонстрируют баланс строгости и гуманизма. Введение новых составов преступлений, усиление санкций, расширение перечня наркотиков и отмена смертной казни за перевозку направлены на повышение эффективности противодействия наркопреступности при одновременном соблюдении прав человека. Для достижения устойчивого эффекта необходима скоординированная работа органов прокуратуры, полиции, служб профилактики наркомании и местных властей, а также активное распространение правовой информации, поддержка лечения и реабилитации наркозависимых. Лишь комплексный подход позволит реализовать стратегическую цель: «сокращение предложения – снижение спроса» на наркотики.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 года.
2. Закон № 86/2025/QN15 от 25 июня 2025 года о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам.
3. Закон о профилактике и контроле над наркотиками Социалистической Республики Вьетнам от 2021 года.
4. Постановление Правительства № 90/2024/ND-CP от 17 июля 2024 года Социалистической Республики Вьетнам.

ПОПРАВКИ 2025 ГОДА К УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ 2015 ГОДА: ИЗМЕНЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Нгуен Чонг Луан

*Академии Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой*

Ле Фыонг Тхао

*Академии Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой*

Аннотация. В статье анализируются новые положения, касающиеся смертной казни, предусмотренные Уголовным кодексом 2015 года с изменениями и дополнениями 2025 года.

Ключевые слова: смертная казнь, Уголовный кодекс, Вьетнам

В процессе судебной реформы и совершенствования системы уголовного права Вьетнама вопросы изменения и дополнения законодательства о смертной казни неизменно привлекали особое внимание исследователей, законодательных органов и широкой общественности. Смертная казнь традиционно рассматривается как наиболее строгая мера наказания в уголовном праве, демонстрирующая решимость государства в борьбе с особо тяжкими преступлениями. Однако по мере развития политической и общественной жизни, а также в условиях международной интеграции всё большее внимание уделяется гуманизации наказаний, включая тенденцию к постепенному сокращению сферы применения смертной казни.

Уголовный кодекс 2015 года стал важным этапом в этом направлении: в нём была отменена смертная казнь за ряд преступлений, а также конкретизированы условия её применения, освобождения от неё или замены другими видами наказаний. Продолжая данный курс, 25 июня 2025 года Национальное собрание XV созыва приняло Закон № 86/2025/QH15 о внесении изменений и дополнений в отдельные статьи Уголовного кодекса. Наиболее значимыми новеллами стали дальнейшая отмена смертной казни по восьми составам преступлений и установление механизма её замены пожизненным лишением свободы без права на условно-досрочное освобождение. Эти изменения оказывают прямое воздействие на уголовную политику государства, практику расследования, уголовного преследования, судебного разбирательства и исполнения наказаний, а также на международное сотрудничество в сфере уголовного правосудия, в частности в вопросах экстрадиции и возврата активов, полученных преступным путём.

В данном контексте актуальным представляется исследование изменений, касающихся смертной казни, внесённых в Уголовный кодекс 2015 года поправками 2025 года. Цель статьи заключается в раскрытии правовых оснований и содержания указанных поправок, анализе их практических последствий, а также в рассмотрении ряда проблем, возникающих при их реализации. Тем самым предполагается выявить основные тенденции развития вьетнамского уголовного права на современном этапе, обеспечивающего одновременно строгий сдерживающий эффект закона и утверждение гуманных, прогрессивных принципов уголовной политики.

Одним из наиболее значимых и примечательных положений поправок к Уголовному кодексу 2015 года, внесённых Законом № 86/2025/QH15, стала отмена смертной казни за восемь видов преступлений. В соответствии с новыми нормами, состав этих преступлений и система наказаний сохраняются, однако смертная казнь более не применяется и заменена пожизненным лишением свободы без права на смягчение наказания. В частности, смертная казнь отменена за следующие преступления: Деятельность, направленная на свержение народной власти (статья 109), Шпионаж (статья 110), Посягательство на материально-технические объекты Социалистической Республики Вьетнам (статья 114), Производство и сбыт поддельных лекарственных средств и средств профилактики заболеваний (статья 194), Незаконная перевозка наркотических средств (статья 250), Присвоение или растрата имущества (статья 353),

Получение взятки (статья 354), Подрыв мира, развязывание агрессивной войны (статья 421). Отмена смертной казни по этим составам преступлений наглядно демонстрирует стремление к дальнейшему сужению сферы её применения в уголовной политике и отражает курс на гуманизацию уголовного права. Особенно это касается преступлений в сфере коррупции и должностных злоупотреблений: нововведение не только стимулирует виновных активно устранять последствия и возвращать незаконно приобретённые активы, но и создаёт благоприятные условия для экстрадиции коррупционеров из-за рубежа во Вьетнам, поскольку многие государства отказываются выдавать лиц, которым может грозить смертная казнь.

После исключения восьми вышеуказанных составов в пересмотренном Уголовном кодексе 2025 года смертная казнь продолжает применяться за десять преступлений. В основном это посягательства на жизнь человека, особо тяжкие преступления против национальной безопасности, акты терроризма и особо опасные деяния против детей. К ним относятся: Убийство (статья 123), Изнасилование лица, не достигшего 16 лет, в особо тяжких случаях (статья 142), Террористический акт против народной власти (статья 113), Терроризм и финансирование терроризма (статьи 299, 300), Некоторые преступления, связанные с производством, сбытом и незаконной перевозкой наркотиков в особо крупных размерах, Отдельные преступления против мира, против человечности и военные преступления.

Этот перечень подтверждает, что новая уголовная политика Вьетнама сохраняет смертную казнь исключительно за деяния, обладающие исключительной общественной опасностью и причиняющие особо тяжкий вред обществу и человечеству, что соответствует требованию максимального сдерживающего эффекта. Ключевым элементом Закона № 86/2025/QN15 стали переходные положения, касающиеся смертных приговоров, вынесенных до 1 июля 2025 года по восьми вышеупомянутым преступлениям. Согласно им: Все смертные приговоры, исполнение которых на данный момент не произведено, подлежат замене на пожизненное лишение свободы без возможности сокращения срока наказания; Эти положения вступают в силу немедленно, обеспечивая последовательность и справедливость применения закона. Таким образом, обеспечивается не только устранение задержек при исполнении смертных приговоров, но и формируется чёткая правовая основа для органов исполнения наказаний в части приёма и содержания соответствующей категории заключённых. Переходные положения ярко демонстрируют последовательную позицию государства в вопросе ограничения применения смертной казни: если уголовная политика изменяется в более гуманном направлении, то и лица, ранее приговорённые к смертной казни, но приговоры, в отношении которых не приведены в исполнение, также должны воспользоваться преимуществами этих изменений.

На основе анализа изменений, касающихся смертной казни в Уголовном кодексе 2015 года с поправками и дополнениями 2025 года, можно выработать ряд рекомендаций, направленных на обеспечение единообразного и эффективного применения закона, а также соответствие общей линии уголовной политики государства.

Во-первых, необходимо оперативно издать подробные руководящие документы по применению новых положений.

Закон № 86/2025/QN15 имеет рамочный характер, поэтому требуется принятие резолюции Судебного совета Верховного народного суда, а также совместных циркуляров между органами прокуратуры и уголовно-исполнительной системой. Эти акты должны разъяснить механизм замены смертной казни пожизненным заключением без права сокращения срока наказания, порядок применения в отношении дел, находящихся в производстве суда, а также процедуры рассмотрения дел по апелляциям и протестам.

Во-вторых, следует усовершенствовать механизм исполнения наказания в виде пожизненного заключения без сокращения срока.

Это новый и особый вид наказания, требующий четкой регламентации. В связи с этим Министерству общественной безопасности необходимо разработать отдельные нормативные акты, регулирующие условия содержания, порядок привлечения к труду, медицинское обеспечение и свидания для осужденных этой категории, обеспечив при этом сочетание строгости

и гуманности в соответствии с минимальными международными стандартами обращения с лицами, лишёнными свободы.

В-третьих, реформу пенитенциарной системы следует увязать с механизмом обязательного изъятия коррупционных активов.

Отмена смертной казни за преступления, связанные с хищением и взяточничеством, должна сопровождаться четкой процедурой принудительного возврата незаконно полученных активов, учитываемой как важный критерий при рассмотрении вопроса об амнистии или помиловании.

В-четвертых, необходимо усовершенствовать систему статистики и раскрытия данных.

Органы прокуратуры и правоприменительные органы должны создать единую систему учета и периодически представлять отчеты о количестве вынесенных смертных приговоров, случаях замены наказания и практике исполнения пожизненного заключения без сокращения срока.

В-пятых, следует активизировать международное сотрудничество.

Поскольку многие государства отказываются от экстрадиции при угрозе применения смертной казни, курс Вьетнама на сокращение ее сферы открывает более широкие возможности для международного сотрудничества в сфере экстрадиции, судебной помощи и борьбы с транснациональной преступностью. В этой связи необходимо активно инициировать переговоры и заключать новые двусторонние и многосторонние соглашения, максимально используя преимущества новой политики.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 года.
2. Закон № 86/2025/QН15 от 25 июня 2025 года о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Александр С.

слушатель,

ФГКОУ ВО Санкт-Петербургский университет

Министерства внутренних дел Российской Федерации,

РФ, г. Санкт-Петербург

Аннотация. В рамках научной статьи, показана общественная опасность транснациональной преступности, выделены ее признаки и характеристики. Отражены виды и модели современных трансграничных преступных формирований. Проанализированы детерминирующие факторы данного типа преступности, предложены меры, направленные на предупреждение и противодействие транснациональной преступности.

Ключевые слова: транснациональная преступность, этнические группы, преступные сообщества, стратегия противодействия преступности.

В современном мире есть общественно опасное явление, которое набирает все большие обороты и это транснациональная преступность. Так, транснациональную преступность можно определить как, общественно опасное явление, характеризующееся функционированием преступных формирований (групп, сообществ), осуществляющих свою незаконную деятельность на территории нескольких суверенных государств. Цель данных сообществ – получение сверхприбыли [4, с. 192]. Транснациональная преступность выступает как собирательное понятие, которое включает большой спектр различных преступлений, поэтому чтобы отнести преступление к разряду транснациональных, требуется наличие хотя бы одного из следующих признаков:

1. Совершение преступления в одном государстве, при условии, что действия по подготовке, планированию или организации осуществлялись в другом государстве.
2. Совершение преступления в одном государстве преступной группировкой, чья криминальная деятельность охватывает несколько стран.
3. Совершение преступных действий на территории как минимум двух государств.
4. Совершение преступления в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве [1].

Международная преступность включает следующие преступления: терроризм; шпионаж; экстремизм; убийства из корыстных побуждений; незаконный оборот оружия, наркотиков, драгоценностей; торговля людьми; организация нелегальной миграции; легализация доходов, полученных преступным путем; контрабанда природных ресурсов, исторических и культурных ценностей; пиратство и т.д. Приведенные общественно опасные деяния относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений и посягают на обширный круг общественных отношений, которые регулируют мировой правопорядок, нормальное развитие личности, институт международного сотрудничества в сфере экономики, культуры и т.д., поэтому они выступают источником повышенной опасности для всех международных отношений [5, с. 9].

Также ключевым признаком транснациональной преступности выступает – субъект. Так, участниками таких сообществ чаще всего выступают иностранные граждане или лица без гражданства, возможны также ситуации, когда организаторы преступного сообщества подыскивают исполнителей в самой стране совершения преступления при помощи информационно-телекоммуникационных средств [3, с. 260]. Главная опасность заключается в организованности данного вида преступлений, имея устойчивую иерархичную систему все участники преступной группы могут находиться в разных местах, что затрудняет поимку всего преступного сообщества. Также не редки случаи, когда соучастники преступления, в особенности исполнители могут и не подозревать о том, что совершают преступление, так примером может служить подрыв Крымского моста, совершенного в 2022 году. При этом можно отметить участие

некоторых государств в предоставлении помощи своим преступным сообществам для негативного влияния их в другой стране. Таким образом, международная преступная деятельность выступает средством влияния на суверенитет одного государства – другим [2, с. 74].

К другим признакам международной организованной преступности можно отнести:

1. Активное участие членов транснациональных преступных формирований в масштабных, глобальных криминальных схемах.
2. Нарушение государственных границ, международного и национального права.
3. Адаптация к действиям правоохранительных органов, умение избегать контроля со стороны общественности.
4. Следование преступным традициям и развитие криминальной субкультуры [6, с. 52].
5. Использование современных информационных технологий, а также научно-технических достижений в преступных целях.
6. Преступный профессионализм (соблюдение конспирации, ведение разведки и контр-разведки, отмыwanie преступных доходов).
7. Интернационализация преступности, расширение деятельности на международном уровне.
8. Использование насилия, запугивания, коррупции и экстремизма для осуществления своей деятельности [7, с. 5].

Следует также обратить внимание и на виды существующих транснациональных преступных организаций. Их классификация возможна по различным признакам таким, как характер деятельности: торговля людьми, финансовые преступления и т.д. (чем обширнее организация, тем больше преступных сфер охватывается ее влиянием); этническая принадлежность: итальянская мафия, японская якудза и т.д.; по сфере влияния: локальные, транснациональные и последний – по степени организации. Именно на этом виде необходимо остановиться подробнее, ведь он отражает внутреннюю структуру, иерархию, методы координации и контроля. Что впоследствии поможет в разработке эффективных стратегий борьбы с ними.

Так, можно выделить три основных вида транснациональных преступных организаций: жестко структурированные организации, слабо структурированные сети; смешанные организации. К первым можно отнести такие организации, которые имеют не малую историю существования и их становление полностью основано на существовании государства, к которому они прикреплены, а некоторые из них и вовсе являются государствами. Их искоренение возможно только при помощи уничтожения государственного устройства, существующего в их коренной стране.

Слабо организованные, напротив, не имеют четких границ, тем более свою историю. Их появление во многом произошло благодаря появлению сети интернет, что позволило совершать киберпреступления в группе оставаясь анонимным для остальных соучастников. Данный вид групп в последнее время часто стал использоваться различными силовыми структурами разных государств для осуществления кибератак на другие государства, для того чтобы подорвать их общественные институты, зависящие от информационно-телекоммуникационных сетей. Наличие прикрытия в лице государства также как и в первом случае, мешает выработке определенной стратегии для борьбы с ними.

Последний сочетает все положительные стороны как первого, так и второго вида. Наличие четкой организации на верхушке преступного сообщества и изменчивый состав исполнителей позволяет полностью абстрагироваться от совершаемых преступлений, что позволяет руководителям заниматься спокойной жизнедеятельностью. Именно этот вид преступной организации занимается формированием преступных диаспор в других странах, что увеличивает криминализацию районов их нахождения. Также они занимаются вербовкой исполнителей в стране, где они хотят совершить преступление среди граждан этой страны, что еще больше угрожает общественной безопасности государства.

Следует помнить, что эти категории не являются взаимоисключающими, и преступные организации могут переходить от одного типа к другому в зависимости от обстоятельств. Но главной проблемой является не их гибкость, а факт сращивания с государством и его

структурами, что затрудняет их полное уничтожение, особенно в современной тенденции по деглобализации мировой экономики, которая существенно снижает уровень взаимодействия различных государств, в том числе и правоохранительной сфере.

Стратегия противодействия транснациональной преступности включает в себя:

1. воздействие на экономическую составляющую транснациональной преступности (одна из самых сложных и трудоемких задач);
2. ликвидация и разобщение транснациональных преступных групп и сообществ;
3. конфискация имущества, полученного преступным путем;
4. укрепление международного сотрудничества в сфере противодействия транснациональной преступности;
5. создание эффективной системы защиты свидетелей, потерпевших, сотрудников правоохранительных органов;
6. устранение (нейтрализация) причин и условий, способствующих совершению преступлений, возмещение причиненного ущерба [8, с. 157].

Подводя итог, отметим, что особенно важным на современном этапе борьбы с преступностью представляется консолидация усилий правоохранительных органов, лиц, обладающих специальными знаниями и представителей юридической науки в совместной разработке предложений и программ по борьбе с новыми вызовами и угрозами транснациональной организованной преступности.

Список литературы:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/2561303/>
2. Галиев, Б.Б. Принципиальность и компромиссность в вопросах борьбы с организованной преступностью / Б.Б. Галиев // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 29 (283). – С. 71–74.
3. Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Транснациональная преступность: проблемы и пути их решения. – М.: ВНИИ МВД России, 1997. – 260 с.
4. Репецкая А.Л. Организованная преступность. Теневая экономика. Криминальный рынок России. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 192 с.
5. Трунцевский Ю.В. Понятие транснационального преступления // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 3. – С. 9-12.
6. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 2 (20). – С. 46-52.
7. Шалагин А.Е. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 2. – С. 153-157.
8. Шалагин А.Е. Транснациональная преступность как угроза общественной безопасности // Транснациональная организованная преступность. Отмывание денег, розыск финансов и изъятие незаконной прибыли: сборник материалов Международного научно-практического семинара (26-27 сентября 2012 г.). – Казань: КЮИ МВД России, 2012. – С. 5-9.

PAPERS IN ENGLISH

RUBRIC

«MEDICINE AND PHARMACOLOGY»

WATER-ELECTROLYTE OBMEN: MODERN PRESENTATIONS
AND MECHANISMS (REVIEW OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS)**Odina Ollonazarova***Student,
Kimyo International Tashkent University,
Uzbekistan, Tashkent***Aziza Azimova***Student,
Kimyo International Tashkent University,
Uzbekistan, Tashkent*

Abstract. Water and salt balance is a key component of maintaining homeostasis of the organism. Water and electrolytes ensure normal functioning of cells, regulate osmotic pressure, acid-base balance, as well as the work of cardiovascular and neuromuscular systems. The physiological basis of water and electrolyte distribution, regulation mechanisms involving kidneys, respiratory system, skin, gastrointestinal tract and hormonal factors (ADH, aldosterone, renin-angiotensin system, natriuretic peptides) are considered in the article. Special attention is paid to the clinical significance of disorders of water-salt metabolism, including dehydration, hyperhydration and electrolyte imbalances. Diagnostic methods and principles of correction based on restoration of fluid volume and normalization of electrolyte composition are described. A promising direction is the introduction of individualized approaches to therapy and the development of technologies for monitoring hydration status.

Keywords: water-salt balance, water, homeostasis of the organism, electrolytes, dehydration, aquaporin, hyponatremia, hypernatremia, hypokalemia, hyperkalemia.

Introduction. Water and salt balance is one of the key conditions for maintaining homeostasis of the organism. Optimal content of water and electrolytes is necessary for normal functioning of cells, organs and systems. Disturbances of water-salt metabolism accompany a wide range of pathological conditions – from dehydration in infections to edema in cardiac or renal failure. This determines the relevance of further study of the mechanisms of regulation and development of new methods of diagnosis and correction.

Purpose: To analyze modern ideas about the physiological basis and mechanisms of regulation of water-electrolyte metabolism, as well as to consider the clinical significance of its disorders.

Materials and Methods. Analysis of scientific publications included in scientific bases such as CyberLeninka, PubMed, National Library of Medicine, Medscape.

Results and Discussion: Total water accounts for about 60% of the body weight of an adult (up to 75% in newborns and less than 50% in the elderly). Intracellular fluid contains approximately 2/3 of the total volume of water and extracellular fluid contains about 1/3, including blood plasma and interstitial space. The body's water balance is maintained through a variety of interrelated mechanisms that ensure that the volume of water intake (from drinking fluids, food, and as a result of metabolic processes) is coordinated with its losses through the kidneys, skin, gastrointestinal tract, and respiratory organs. The

degree of hydration of the body is directly determined by the state of water balance. Hydration deficit develops when a decrease in the available volume of water due to its excessive losses or insufficient intake activates adaptation mechanisms aimed at limiting further fluid losses and increasing its intake into the body [6]. The distribution of electrolytes is strictly ordered: Sodium (Na^+), chloride (Cl^-), and bicarbonate (HCO_3^-) dominate the extracellular sector; potassium (K^+), magnesium (Mg^{2+}), and phosphate dominate the intracellular sector. This distribution ensures maintenance of osmotic pressure, transmembrane potential and normal operation of cardiovascular and neuromuscular systems. The central role in the regulation of water-electrolyte metabolism belongs to the kidneys, which provide filtration, reabsorption and secretion processes. Through the regulation of glomerular filtration, selective reabsorption of sodium, potassium, chlorine and water, as well as through the participation of aquaporins, the kidneys maintain the stability of the internal environment [9]. The maintenance of acid-base equilibrium through the secretion of hydrogen ions and reabsorption of bicarbonate is also of key importance. The endocrine system also plays an important role. Antidiuretic hormone regulates the expression of aquaporins in the collecting tubes and enhances water reabsorption. The renin-angiotensin-aldosterone system controls sodium and water reabsorption and vascular tone [11]. At the same time, natriuretic peptides promote sodium and fluid excretion, acting antagonistically to aldosterone and vasopressin [2]. Calcium metabolism is regulated by parathormone and calcitonin. The regulation of thirst and secretion of antidiuretic hormone is controlled by the hypothalamus, where osmoreceptors sensitive to changes in plasma osmolality are located [1]. When osmolality increases, they activate the thirst center and increase vasopressin secretion, which leads to fluid retention and restoration of balance. At the molecular level, aquaporins – channel proteins that provide rapid water transport through cell membranes – are of key importance. ACPs contribute to various cellular processes including cell migration, adhesion and polarity, and act upstream from several intracellular and intercellular signaling pathways to regulate processes such as cell proliferation, apoptosis and cell invasiveness [10]. In the regulation of ionic transport, the main function is performed by sodium-potassium ATPase, which maintains the transmembrane gradient, as well as various channels and transporters in the kidneys, which are targets for the action of aldosterone and a number of pharmacological agents. The clinical significance of disorders of water-electrolyte metabolism is extremely high. Fluid deficiency is manifested by various forms of dehydration and electrolyte disorders – hyponatremia, hypernatremia, hypo- and hyperkalemia [11]. Hyponatremia is the most common electrolyte balance disorder, diagnosed in more than 15% of hospitalized patients. The most frequent cause of hypotonic hyponatremia is considered to be the syndrome of inadequate antidiuresis (SNSAD). The pathogenesis of this condition is related to the nonosmotic release of arginine vasopressin (AVP, formerly antidiuretic hormone), which, interacting with renal V2 receptors, increases water reabsorption and promotes its retention in the body. As a result, there is a dilution of plasma and a decrease in sodium concentration. The etiologic spectrum of SNSAD is quite broad. The main causes include malignant tumors, lung diseases and pathologies of the central nervous system. However, in clinical practice, hyponatremia often has a multifactorial origin, which complicates diagnosis and requires dynamic monitoring. Regular reassessment of the patient's clinical condition and monitoring of biochemical parameters allow timely detection of additional pathogenetic mechanisms that may manifest themselves during therapy. According to modern clinical recommendations, in the absence of life-threatening manifestations (e.g., seizures, cerebral edema), the first line of therapy is fluid restriction (FR). Despite its widespread use, this approach is ineffective in about half of patients. In such cases, there is a need for second-line methods, which are currently under active investigation. Therapeutic strategies such as the use of tolvaptan, urea, and sodium-glucose co-transporter type 2 (SGLT2) inhibitors are of particular interest. SNSAD represents a major cause of hyponatremia, which has important clinical significance in the inpatient setting [12]. Tolvaptan, a vasopressin V2 receptor antagonist, is effective and widely used for renal fluid retention in hyponatremia. However, there have been no studies demonstrating improvement in severe outcomes or long-term prognosis. A possible reason is that vasopressin receptors exert many secondary effects beyond AQP2 function. It is expected that the development of drugs that directly target AQP2 may lead to improved specificity and efficacy in the treatment of water balance disorders [13]. Excessive fluid accumulation accompanies edematous syndromes in cardiac, renal, or hepatic insufficiency and is also observed in the syndrome of inadequate ADH secretion [5]. Disturbances at the molecular level include hereditary

nephropathies caused by mutations in aquaporin and ion channel genes. In clinical practice, pharmacological agents affecting water-electrolyte balance, such as diuretics and vasopressin antagonists, are actively used [7]. Thus, water-electrolyte metabolism is a complex multilevel system that ensures the maintenance of homeostasis. Modern research has led to a deeper understanding of the role of the kidneys, endocrine system and molecular mechanisms in the regulation of fluid and electrolytes. Particular attention has been paid to the study of aquaporins and ion channels, which are becoming important targets for new therapeutic approaches [8].

Conclusion. Water-electrolyte metabolism plays a key role in maintaining homeostasis of the organism. It is regulated at the systemic, organ and molecular levels with the participation of kidneys, endocrine system, aquaporins and ion channels. Disturbances in this balance underlie many pathological conditions, including dehydration, edema and electrolyte disorders. Modern research opens new possibilities for diagnosis and therapy, which makes the study of this topic relevant in both basic and clinical medicine.

References:

1. Zeidel ML. Salz und Wasser: nicht so einfach. *J Clin Invest.* 2017 May 1; 127(5):1625-1626. Doi: 10.1172/JCI94004. Epub 2017 Apr 17. PMID: 28414294; PMCID: PMC5409062.
2. Bichet D.G. Vasopressin and the regulation of thirst. *Ann Nutr Metab.* 2019; 74(Suppl 3): 3-7.
3. Fenton R.A., Murali S.K., McCormick J.A. Regulation of the water channel aquaporin-2 by cullin E3 ubiquitin ligases. *Am J Physiol Renal Physiol.* 2024; 326(5):F814-F826.
4. Van den Eynde J, Verbrugge FH. Wasser- und Elektrolyt-Homöostase während der Entstauung bei Herzinsuffizienz. *Eur J Heart Fail.* 2025 Jun 18. Doi: 10.1002/ejhf.3727. Epub ahead of print. PMID: 40530753.
5. Dmitrieva NI, Boehm M, Yancey PH, Enhörning S. Long-term health outcomes associated with hydration status. *Nat Rev Nephrol.* 2024 May; 20(5):275-294. Doi: 10.1038/s41581-02400817-1. Epub 2024 Feb 26. PMID: 38409366.
6. Su W, Cao R, Zhang XY, Guan Y. Aquaporine in der Niere: Physiologie und Pathophysiologie. *Am J Physiol Renal Physiol.* 2020 Jan 1; 318(1):F193-F203. Doi: 10.1152/ajprenal.00304.2019. Epub 2019 Nov 4. PMID: 31682170.
7. Login FH, Nejsum LN. Aquaporin-Wasserkanäle: Rollen über den renalen Wasserhaushalt hinaus. *Nat Rev Nephrol.* 2023 Sep; 19(9):604-618. Doi: 10.1038/s41581-023-00734-9. Epub 2023 Jul 17. PMID: 37460759.
8. Valenti G, Tamma G. The vasopressin-aquaporin-2 pathway syndromes. *Handb Clin Neurol.* 2021; 181:249-259. Doi: 10.1016/B978-0-12-820683-6.00018-X. PMID: 34238461.
9. Yun G, Baek SH, Kim S. Evaluation and management of hypernatremia in adults: clinical perspectives. *Korean J Intern Med.* 2023 May; 38(3):290-302. Doi: 10.3904/kjim.2022.346. Epub 2022 Dec 29. PMID: 36578134; PMCID: PMC10175862.
10. Warren AM, Grossmann M, Christ-Crain M, Russell N. Syndrome of Inappropriate Antidiuresis: Von der Pathophysiologie zum Management. *Endocr Rev.* 2023 Sep 15; 44(5):819-861. Doi: 10.1210/endrev/bnad010. PMID: 36974717; PMCID: PMC10502587.
11. Noda Y, Sasaki S. Updates and Perspectives on Aquaporin-2 and Water Balance Disorders. *Int J Mol Sci.* 2021 Nov 30; 22(23):12950. Doi: 10.3390/ijms222312950. PMID: 34884753; PMCID: PMC8657825.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 29 (338)

Сентябрь 2025 г.

Часть 2

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»

123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74

E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+

